

Куклы и люди

ТЕАТР

Кто лучше может сыграть на сцене — актер или кукла? Казалось бы, может быть только один ответ: конечно, человек! Самая совершенная кукла в руках самого талантливого мастера не может двигаться так естественно, как человек; полное правдоподобие здесь недостижимо. Даже посредственный актер своей мимикой может передать душевные переживания героя. Но как бы ни был одарен художник, смастеривший куклу, ее лицо всегда остается застывшей маской: она умеет лишь открывать рот, в лучшем случае — хлопать глазами.

И все-таки древнее искусство кукольного театра не собирается умирать. Более того, оно расцветает у нас с каждым годом.

Там, где требуется бытовое правдоподобие или изображение психологии, кукольный театр бесценен. Зато в мире фантастики и гротеска живой человек во многом отступает перед куклой. Как ни старайся актер, все же в роли Змея Горыныча или Серого Волка он останется всего лишь передетым человеком.

Вот почему кукольный театр издавна был театром сказки, остается таким и поныне. Но за последние годы он с легкой руки театра С. Образцова все чаще обращается к взрослому зрителю. Здесь сказка уступает место сатирическому гротеску, веселому и злому, пренебрегающему внешним правдоподобием и психологическими оттенками, любящему преувеличение в фантастичности.

Ленинградский Большой театр кукол не первый раз ставит сатирические спектакли для взрослых. Удачной была постановка «Предострой Галатеи». Интересной, хотя и спорной кое в чем, являлась инсценировка «Золотого теленка». В этом году коллектив обратился к постановке сатирической комедии братьев Чапек «Из жизни насекомых» в авторизованном переводе с чешского А. Зайцевой (в театре пьеса не очень удачно названа «В золотом раю»).

Карел Чапек был писателем с восторженной фантазией. В его романах и пьесах наряду с людьми действуют нередко то таинственные саламандры, то пойкилики, то искусственные, сделанные на фабрике человекоподобные существа — «роботы». В то же время самая причудливая игра воображения для Чапека — не фокус, не магия, а способ острого сатирического изображения основ современной ему буржуазной действительности.

«Из жизни насекомых» — одна из ранних пьес Карела Чапека, написанная им в 1921 году совместно с братом Йозефом. В ней еще нет глубины трагизма и пафоса непримиримой борьбы, во много человечности и остроумия в разоблачении пороков буржуазного мира.

В трех актах пьесы («Мотыльки», «Жуки», «Муравьи») ка-

питалистический мир

изстает как бы в трех разрезах. Сначала перед зрителем проносятся изящные и легкомысленные мотыльки, далекие от «прозы будней», живущие «поэзией и любовью». Но как пусто и гнило то, что они называют высокими именами поэзии и любви! В них не больше человеческого, чем в жадных и прожорливых жуках, воплощающих главные буржуазные добродетели: священное право собственности, свободу конкуренции, семейный очаг. Навозники воруят друг у друга драгоценные навозные шарики, жук-васедажник истребляет других жестокорылыми, чтобы накормить свою милую дочку — личинку... Наконец — муравьи, идеал которых — война для завоевания соседнего муравейника. Пьеса проникнута презрением к «насекомым» и верой в победу человеческого начала в жизни, хотя положительный идеал авторов еще страдает некоторой неопределенностью.

Театр хорошо донес до зрителя главную образную мысль пьесы Чапек. Об этом говорят прежде всего внешний облик кукол — большая удача художника-скульптора В. Малахуновой. Головы персонажей почти совсем, как у насекомых, но в лицах есть что-то уродливо человеческое. Конечности длинные, тонкие и коленчатые, но их не шесть, а четыре. Костюмы тоже получеловечьи. По выразительности масок превосходят бабочка Клатая, Личинка, Паразит, арматные черные муравьи с автоматами.

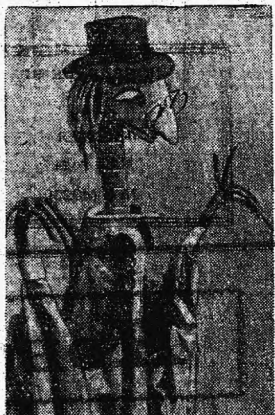
Гротеск требует для своего воплощения богатого воображения и изобретательности. — И здесь никто от нас не должен ожидать постановки — равному режиссеру театра М. Корольеву. В спектакле много хорошей выдумки и забавных трюков, необходимых в этом жанре (растягивающиеся руки и ноги жука Паразита и другие).

Нужно отметить одну особенность постановки сатиры приближения к настоящему времени. Так, например, муравейнику приписаны черты гитлеровского «третьего рейха» и даже современного милитаризма, — и это высказано не противоречит тезису Чапека: гротеск — универсальное по своей природе средство для широких обобщений. И не только третий акт — весь спектакль очень современен по своему идейному прицелу.

Когда в хорошем стремлении откровенно выразить свое отношение к изображаемому театр иногда перестает доверять зрителю, то это достоинство превращается в недостаток. Зачем нужна очевидная гримаса в конце второго акта? Становится скучно и невыносимо обидно: неужели режиссер думает, что без его указки мы не поймем, что мораль жуков — падала и что история осудила их на гибель? Есть и другие частные неудачи — например, душещипательный роман в качестве введения к третьему акту, никак не связанный с ним по содержанию. И зачем режиссер убрал одну тонкую деталь Чапека: по пьесе Паразит съедает Личинку — и в этом находила свое гротескное завершение закон «свободной конкуренции»; убрав этот штрих, театр превратил лицемерного хищника всего лишь в жалкого любителя.

Остроумно введено и спектакль кино — демонстрация мод во введение кино в первый акт и репетиция подхода к финалу. Вроде бы и к людям, уходящим по дороге на экран, неожиданно входят в экран, «покупают» людей, все поворачиваются к зрителю. И вот они приближаются, чудесным образом сходят с экрана и стоят, живые, улыбающиеся, талантливые актеры, управлявшие в течение всего спектакля куклами.

О них, артистах, надо сказать особо. В кукольном театре кажется, что их нет, — мы только слышим чуждого голоса, а видим куклу. Но чтобы кукла «играла», нужна не только высокая техника управления ими, но и настоящий актерский талант, — и его много в этом спектакле. Сколько кровожадности и хитроумия-тонкости движений и интонаций Личинки (ар-

тистка В. Гамбургер; она же — Ирида, как выразился Фабияни (артист И. Альбертович, более известный в роли Виктора), Паразит (артист С. Рубанович) или Сверчок (артист В. Кувушкин; он же — Феликс). Артисты, исполнявшие по две-три роли в спектакле, проявили свой многогранность. Не заглянув в программу, не поверить, что изящно-рысцкая бабочка Клатая и свирепый Диктатор муравьев — одна и та же артистка В. Киселева.

Хорошо сделали переводчик и театр, познакомившие нас с талантливыми пьесой и интересным спектаклем.

В. ХОЛШЕВНИКОВ

На снимках куклы — персонажи из спектакля «Из золотого раю»
Фото Г. Чертова